

ФОРМИРОВАНИЕ НАРРАТИВА ИЗ ПЕРФОРМАТИВА В ПУБЛИЧНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

С. В. Герасимов^{1, 2}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

² Санкт-Петербургский государственный экономический университет
191023, Россия, Санкт-Петербург, улица Садовая, 21

Поступила в редакцию 06.07.2019 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2020-1-2

Нарративы и перформативы со времен британского философа Джона Остина представляют собой противоположные понятия, входящие в объем родового понятия речевой акт. При этом понятия были разделены по признаку присутствия в тексте повествования или побуждения, описания или императива. Перформатив, как и нарратив, создается под давлением различных внешних факторов, связанных с системой публичных коммуникаций, окружающих автора, и множества резонансов и доводов, находящихся в его сознании как отражения процессов, происходящих во внешней среде. Все эти факторы влияния переплавляются в процессе создания текста, и зритель (читатель) потребляет уже готовую информацию, которая неизменно несет на себе отпечаток габитуса автора. В процессе создания текста автор передает свои желания, свое отношение к выбранной проблематике. Цель исследования – найти ответы на два вопроса. Может ли нарратив в своей основе содержать явную манипуляционную основу или скрытое побуждение? Служит ли картина мира, частично формирующаяся под воздействием нарративов, примером для принятия решения в ситуации, которая может возникнуть у читателя (зрителя)? Таким образом, необходимо выяснить отношения между перформативом и нарративом, которые могут быть нескольких видов. Для ответа на исследовательские вопросы рассматривается генезис нарративов, анализируются возможные сочетания нарративов и перформативов, определяется влияние перформативов на формирование интенциональной составляющей нарратива. В результате исследования можно утверждать, что каждый нарратив содержит в себе не менее одного перформатива и что нарратив основан на перформативе и в различных видах содержит манипуляционную составляющую.

Ключевые слова: нарратив, перформатив, текст, манипуляция, публичные коммуникации, интенциональность, социальная реальность.

Введение

В первую очередь необходимо рассмотреть возможные варианты соотношения нарративов и перформативов. Их как минимум три. Во-первых, это отношение несовместимости, когда они оба не имеют общих элементов, но включены в родовое понятие речевого акта. Во-вторых, возможно, перформатив – это разновидность нарратива. В этом случае достаточно доказать, что все перформативы – это нарративы, но некоторые нарративы есть перформативы. В-третьих, возможно, что пер-

форматив составляет основу любого нарратива и не существует такого нарратива, в котором в явной или скрытой форме не присутствует подталкивание к какому-нибудь действию или бездействию. В этом случае связь нарратива и перформатива можно определить как парное, или N-множество, в объеме понятия *речевой акт*, в котором каждому нарративу соответствует не менее одного перформатива.

Перформатив как феномен языка, речевой акт присутствует в различных формах коммуникации, которые необходимо рассмотреть в процессе выявления взаимосвязи наррации и перформативов. В данном случае наиболее общим является понятие публичной коммуникации, под которой в рамках настоящей работы понимается множество вербальных коммуникаций между людьми в социуме при условии, что каждый имеющий желание может участвовать в любой подобной коммуникации в качестве автора, комментатора, слушателя, исследователя и т.д. В этом смысле публичная коммуникация не только противопоставляется коммуникациям в межличностном пространстве (*public vs private*), но и отделяется от более специализированных форм коммуникаций: учебных, производственных, служебных и других.

Публичные коммуникации во многом определяют форму и содержание социальной реальности: социально-культурной сферы, политики, сферы деловых коммуникаций, науки и других практических сфер, составляющих цивилизацию. Этот феномен имеет специфические проекции на разные направления фундаментальных и прикладных исследований в естественных, гуманитарных и точных науках. Пространство публичных коммуникаций в силу своей универсальности содержит наибольшее количество нарративов, потому что в нем происходят генерации смыслов, смысловых и нормативно-ценностных систем. В пространстве социальной философии, философии искусства, логики и методологии гуманитарного знания нарративы представляют собой большое пространство для исследований, выявления связей и создания возможных моделей. Феномен публичных коммуникаций опредмечивается в различных формах и направлениях нарративов: официальные и оппозиционные, явные и архетипично-подсознательные, мифологические, культовые, фольклорные и многие другие. Таким образом, наррация представляет собой и предмет, и метод исследования системы социальной реальности, создаваемой в процессе публичных коммуникаций. Современные процессы, связанные с переходом социума от постиндустриального к информационному обществу, требуют установления причин формирования новых нарративных практик публичных коммуникаций. Новые условия существования общества связаны непосредственно с возникновением и распространением цифровых технологий, формированием новых коммуникационных каналов, созданием новой цифровой культуры социальных, деловых, политических и научных коммуникаций.

Для выяснения генезиса современных нарративов необходимо определить роль коммуникационных процессов в стратифицированном социуме. При этом в качестве важного направления научного поиска требуется выявить консолидирующие и разделяющие конструк-

ции, используемые в публичных коммуникациях, а также факторы, влияющие на формирование социального партнерства и гражданского общества. Понимание логики соотношения естественных и искусственных причин возникновения перформативов и нарративов в современном тексте публичных коммуникаций делает возможными моделирование, унификацию и сквозную десигнацию в процессе нарративного описания множества возможных реальностей, представляет поступательное движение, напрямую связанное с особенностями функционирования большинства сфер общественной жизни.

Система формирования различных нарративов публичных коммуникаций может быть рассмотрена как эффективный инструмент в конструировании многообразных социальных реальностей в условиях сплита реальностей и кроссреального серфинга. Общая стратегия изучения развития пространства публичных коммуникаций актуализируется в области конвергентного междисциплинарного рассмотрения коммуникационных процессов с учетом остенсивных особенностей российской действительности и на основе нарративных практик.

Событийная методология (технология) определения качественных и количественных характеристик позволит определить основные тренды развития стратифицированного социума, выявить векторы развития концептов индивидуальной и коллективной реальностей. Конструктивное событийное моделирование публичных коммуникаций и последующая верификация моделей позволят конструировать когнитивные технологии применительно к теоретическим задачам, связанным с лингвокультуральным переносом (Проскурин, 2017), семантическим трансфером (Blank, 1999), локализацией (Зинкевич, 2018) смысловых конструкций, а также применительно к прикладным отраслям научного знания, таким как символическая политика, формирование форсайта, брендинг и прочие.

Рассмотрим первый вариант — взаимное соотношение множества нарративов и перформативов как отношение несовместимости. Согласно этой версии, оба множества не могут иметь общих элементов.

Существует мнение, что на противопоставлении и даже конфликте нарративов и перформативов строится драматическая ситуация в литературе (Агеева, 2015). Исследователи склонны разделять и противопоставлять эти понятия применительно к драматическим текстам (Тюпа, 2010). Французская школа нарратологии утверждает, что противопоставление описания и декларации, нарратива и перформатива, проявилось как оппозиция понятий диегезиса и мимесиса еще в Античности (Женетт, 1998).

Для того чтобы опровергнуть первый тезис, существует много аргументов. Приведем два из них.

Аргумент первый. В случаях сочетания долженствования и бытия в одном тексте часто ссылаются на принцип Юма, или «вилку Юма»: «Невозможно вывести долженствование из бытия; никакое собрание фактов, сколько бы всеобъемлющим оно ни было, не влечет за собой ценностного вывода» (Уэст, 2015, с. 35). Другими словами, из того, что есть (нарратив), не следует то, что должно быть (перформатив), смена

модальностей недопустима. Из любого описания не следует императив, а повелительное наклонение, вытекающее из наррации в виде морали, неуместно.

Но если посмотреть «Трактат о человеческой природе» Д. Юма, то там дословно следующее:

Всякое вероятное рассуждение не что иное, как род чувствования. Не только в поэзии и музыке, но и в философии мы должны следовать своему вкусу и чувству. Когда я убежден в каком-либо принципе, это значит только, что известная идея особенно сильно действует на меня; когда я отдаю преимущество одной цепи аргументов перед другой, я только решаю на основании чувства, которая из них имеет более сильное влияние на мнения. Между объектами нет доступной нашему наблюдению необходимой связи, и только при помощи, действующей на воображение, привычки, а не иного какого принципа, можем мы вывести из существования одного объекта существование другого (Юм, 1996, с. 203–204).

Глава, где приводится это рассуждение, называется «Попытка ввести экспериментальный метод рассуждения в предмет морали».

Из трактата Юма можно сделать несколько выводов.

1. «Когда мы говорим “А является причиной В”, все, что мы имеем право сказать, — это то что в прошлом опыте А и В появлялись вместе часто в быстрой последовательности и не наблюдалось ни одного примера, когда В не следовало бы за А или не сопровождало его» (Рассел, 2001, с.781).

2. Однако, как бы много примеров совпадения А и В мы ни наблюдали, это не дает основания ожидать, что они будут совпадать в будущем.

Д. Юм отрицает любую операцию необходимого логического следования из А в В, но не отрицает возможного наступления такого следования. В том числе ирония шотландского ученого распространяется и на то, что его собственное правило (перформатив), или принцип Юма, не следует из его умозаключений. Переводя утверждение Юма в нарративно-перформативное пространство, можно «утверждать», что не из каждого нарратива следует перформатив, но такое в принципе может происходить.

Аргумент второй. Некоторые тексты в жанре художественной литературы состоят из двух частей: нарративной и перформативной, и в ином виде не могут существовать. Например, басня, в которой выводится мораль, или сказка, в которой перформатив создается по алгоритму «Сказка — ложь, да в ней намек, добру молодцу урок».

Исходя из этих двух аргументов можно предположить, не только что какая-то часть перформативов связана с нарративами, но и что перформатив в явной или в скрытой форме может составлять существенный признак некоторых классов наррации. Нарратив в определенных языковых формах неизбежно связан с перформативом. Другими словами, существует множество, отличное от пустого, в котором нарративы и перформативы связаны друг с другом.

Из того, что нарративы и перформативы в широком пространстве публичных коммуникаций имеют область пересечения, возможно следует и их взаимное пересечение в узкоспециальных областях коммуникаций. Например, в музыкальной или нотной записи, кроме символического описания тона, длительности звуков и последовательности их звучания присутствуют указания о том, как исполнять то или иное музыкальное произведение: *adagio*, *andante*, *allegro* и т.д. В ЕСКД (Единой системе конструкторской документации) перформативы присутствуют в различных текстах, чередуясь с описательной (нарративной) частью документации. Такую же картину можно наблюдать и в текстах, связанных с функционированием организаций с учетом ограничения по времени, например в армии. В армии существует необходимость однозначного и необсуждаемого побуждения к действию в условиях ограниченных ресурсов. Кроме армии подобный сплав нарративов и перформативов присутствует в инструкциях МЧС, при работе со сложной техникой, в условиях повышенного риска наступления обстоятельств непреодолимой силы и т.д. В публичных коммуникациях иногда генезис перформатива из нарратива неочевиден, но в профессиональном языке область пересечения представляет собой большую часть текстов. Это можно объяснить множеством причин, например особой чувствительностью пространства публичных коммуникаций к манипулятивным приемам (Герасимов, 2015).

Рассмотрим второй вариант. Перформативы и нарративы соотносятся как понятия соподчиненные, при этом перформатив — это множество в объеме понятия *нарратив*. В этом случае достаточно доказать, что все перформативы — это нарративы, но только некоторые нарративы есть перформативы.

Как написал В. В. Маяковский: «Если звезды зажигают — значит — это кому-нибудь нужно?» Существуют ли нарративы, в которых присутствует описание реальности «в чистом» виде, без какой-либо скрытой / явной мотивации?

Интенциональность. Нарративы представляют собой информационный массив, состоящий из различных сюжетов, описывающих сущности и события, протекающие во времени. Сложность исследования наррации заключается в том, что каждый автор, как и каждый получатель нарративного послания, относится к тексту избирательно, пропуская через собственную фильтрованную пластину, систему фильтров, прокрустово ложе, габитус (по Бурдьё). В процессе взаимодействия нарратива и человека влияние на порождение, перенос и восприятие смыслов (Тульчинский, 2018) оказывают различные свойства человека, например его когнитивные способности. В зависимости от нормативно-ценностных установок, полученных в процессе воспитания и обучения, человек вносит свою оценку в этапы наррации. Все сказанное справедливо по отношению как к отдельным персонажам, так и к социальным группам. Нарративы не только оценочно описывают реальности, но и формируют условия последующей оценочной наррации.

Получаемый замкнутый круг можно описать как систему с обратной связью. Результат работы системы влияет на систему таким обра-

зом, что она учитывает его в качестве входящего сигнала. Подобная обратная связь, в которой оценочное описание может спровоцировать усиление значения незначимых или малозначимых событий, влияет на всю систему оценки реальности как человека так и социума. В случае положительной обратной связи (ПОС) система после многократного повторения самовозбуждается и переходит к автогенерации нарративов, иногда слабо связанных с реальностью. Это наблюдается на примере лавинообразного возникновения и распространения сплетен, слухов, страшилок и т.д. Процесс автогенерации может вызвать разрушение смысловой и нормативно-ценностной основ нарративов. При этом разрушается и ПОС, нарративы создаются заново. Подобный эффект периодически наступает в результате войн, революций и так далее.

В противоположном случае наблюдается эффект отрицательной обратной связи (ООС). ООС — система связи результатов работы системы с входящим сигналом, при которой выходной сигнал уменьшает значение входного. Применительно к нарративу наблюдается уменьшение ощущения значимости возможной угрозы потери от события, пренебрежение жизнью своей и жизнями окружающих, героизация страданий «во имя...». Такого рода обратная связь вырабатывается как защитный механизм привыкания, адаптации к любым, даже самым острым проблемам, возникающим в публичной коммуникации. Подобный сюжет использован в басне Эзопа «Лгун», когда мальчик кричал: «Волки!». При этом алармизация и хорроризация текстов нарративов приводит сначала к возбуждению системы (нарастающий отклик), а потом к игнорированию (затухающий отклик) новостного потенциала последующих «кошмарных» новостей. Нарративный поток способен сформировать у человека мотивацию, которая будет сильнее, чем естественные инстинкты к здоровью, сну, еде, комфорту, жизни и другие, но при постоянном давлении человек перестает реагировать соответственно тексту и даже может выдать противоположную реакцию.

Рассматривая нарративы с точки зрения исследований Э. Гуссерля в балансе между «объективностью и субъективностью процесса познания (Erkennens)» (Гуссерль, 2011, с. 14), как человек, так и общество не может быть свободным от внесения своего личного понимания, переживания в ткань нарратива. Автор (или авторы) под воздействием интенциональности производит отбор ключевых героев и событий, стремится указать на них слушателям, читателям или зрителям, пытается использовать нарратив как инструкцию по выходу из тревожной, драматичной ситуации, создать образец для подражания, перформатив. Читатель или зритель, находясь в системе описания событий нарратива, отличающихся по месту и времени от времени действительности, существует одновременно в двух реальностях, переходя и сравнивая эти реальности в соответствии со своими убеждениями, желаниями, ощущениями удовольствия, страха, тревоги и т.д. Согласно Гуссерлю, автор имеет возможность выбирать предполагаемые обстоятельства для сюжетов. Читатель может выбирать между текстами, между реальностями.

В силу интенциональности не только текст, но и коммуникация имеет свои мотивы, скрытую или явную перформативность. Возможно,

в общем множестве нарративных сюжетов встречаются тексты без интенциональной основы, следовательно без скрытого перформатизма, вызывая вопрос: «Зачем создан такой текст?». Подобного мнения придерживается один из исследователей социального конструкционизма К. Герген, который утверждает, что перформативен весь язык, который сочетает описания с реализацией конвенциональных социально осмысленных действий в системе публичных коммуникаций. «Слова сами по себе не описывают мир, но поскольку они успешно функционируют в рамках ритуала, основанного на отношениях, они начинают служить в качестве “описаний” в рамках правил данной игры» (Gergen, 1997, p. 87).

В силу приведенных выше аргументов можно утверждать, что нарративы и перформативы составляют парные множества в понятии речевого акта, при этом каждому нарративу множества соответствует не менее одного перформатива.

Непрерывность нарратива и дискретность перформатива. Нарративы как массивы описаний обладают большим количеством связей как между отдельными сюжетами, так и с различными реальностями, формируя у отдельного человека и у человечества в целом непрерывность и связанность концепции реальности. Д.С. Лихачев описывает свойства концепта следующим образом: — «Концепты возникают в сознании человека не только как “намекы на возможные значения”, “алгебраическое их выражение”, но и как отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом — поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический и т.д.» (Лихачев, 1993, с. 5). Человеку необходимо связывать события и сущности в единую непротиворечивую картину. В этом процессе фактически человеческое восприятие было бы достаточно дискретным, если бы не нарративы. Траектория познания человека проходит через последовательность событий, в результате которых он расширяет горизонты познаваемого. Человеку свойственно следовать за нарративом. Единственный способ сбить его с этого пути — предоставить альтернативное пространство развития события. В реальности, в случаях, когда приходится выбирать траектории развития сюжета между депрессивным вариантом, без *happy ending* и неизвестным, человек склонен следовать известному злу более, чем неизвестности. Неизвестность — источник страхов, ужасов, стресса. В этом ракурсе нарратив, описывая даже самое жуткое и кошмарное событие, снимает страх неопределенности, определяя как пространство до события само событие и связывая событие с будущим. При этом необходимо отдать должное тому факту, что и красоту, и восторг нарратив редуцирует из полета человеческого сознания в предметные образы. В остальных случаях пишут, например, про красоту — «Ни в сказке сказать, ни пером описать». Для снятия стресса неопределенности, помимо прочего, пишут аннотации, силлабусы, путеводители, краткие содержания, снимают трейлеры в кино.

Нарратив делает из дискретного эвристического сознания плавную траекторию, по которой человек познает, воспринимает мир. Нарратив

упаковывает реальность в непротиворечивую картину. Сшивая разрозненные сюжеты в единую ткань, нарративы служат одним из важнейших инструментов культурогенеза (по Ю.М. Лотману). В отличие от интерактивной действительности, нарративная реальность лишена вариантов и альтернатив развития сюжета. Она допускает параллельность сюжетных веток, но ограничена предполагаемыми обстоятельствами. Непрерывность (неопределенность) интерактивной действительности отлична от случившейся непрерывности нарратива в силу законов жанра и индивидуальной интенциональности автора.

По причине непрерывности и взаимосвязанности массива нарративов у авторов перформатива появляется возможность изменять формы нарративов вплоть до маскирования перформатива под другие речевые акты. Так, например, вопросы «Будете ли Вы выходить на следующей остановке?», «Девушка, Вы танцуете?» представляют собой перформативы: один побуждает уступить дорогу, другой — дать согласие на танец. Надписи «Не прислоняться» и «Выхода нет» подразумевают запрет облакачиваться на поверхность двери и информирование о направлении движения в метро. Непрерывность и повторяемость нарративов формирует контекстуальные возможности для скрытой манипуляции поведенческими паттернами человека, например решением о покупке. Другими словами, язык подразумевает некоторую договоренность или конвенциональность между автором и читателями в отношении разных речевых актов. При этом конвенциональность не отражается непосредственно в тексте, а подразумевается как неписаное правило понимания и интерпретации.

За рамками этой статьи остается большое пространство интегрированных друг в друга нарративов и перформативов, образующих пространство правил и поведенческих паттернов, которые не входят в объемы текстов, но очень чутко воспринимаются как авторами, так и читателями. Можно рассматривать баланс писаных и неписаных нормативно-ценностных систем через рамку социальной семиотики.

Алгоритмы генезиса перформативов и нарративов. Для выяснения генезиса перформативов в наррации, необходимо рассмотреть процесс создания нарративов. Генерация нарративов — это явление, происходящее в социальной среде, описывающее коллективное действие, попытку договориться о дескриптивном определении окружающего мира с помощью непротиворечивых повествований. В тех случаях, когда законы действительности не позволяют сочетать и объяснять события и сущности, нарратив переходит в фэнтезийную, мифологическую, религиозную, трансцендентную или иную реальности. Дальше, после селекции, множественных повторов, коллективное описание реальности может предстать в виде сжатых поучительных историй — примеров поведения в той или иной ситуации (былин, священных писаний, сказок и т.д.). При этом нарративы могут притянуть в себя и модные обороты речи, сюжеты, героев. Существует и обратный эргономический процесс — отбрасывания всего несущественного. В результате длительной селекции и выдержки формируется текст как инструмент для обучения и воспитания на примере другого.

Условия, при которых социумом принимаются нарративы, — результат публичных коммуникаций, общественного одобрения и приглашения. Во многих культурах присутствует технология «голосования ногами». Зритель или слушатель может прийти, послушать, похвалить рассказчика, менестреля, коробейника. А может уйти, проигнорировать, обозвать, прогнать его и т.д. «Голосование ногами» — процесс естественного отбора нарративов социумом. Параллельно с созданием нарративного описания реальности формируются и ее идентификаторы и уникальность. Каждый нарратив имеет свою логику, свои десигнаторы, в нем описываются свои события, артефакты и персонажи. Зрители и (или) слушатели внимательно контролируют идентификаторы. Стоит рассказчику изменить поведенческие паттерны героев, логику пространства, как формируется реакция в виде «недоверия», насмешек или обвинений автора или рассказчика во лжи.

После того как нарратив принят и одобрен в пространстве публичных коммуникаций, он переходит в форму образца для подражания, инструмента для воспитания детей, выполняет функции лингвокультурального трансфера, культурной трансмиссии при попытках перенести смыслы на другой язык, в другую культуру, при пересечении культурных барьеров или разделенных, например, религиозной нарративной постсекулярных коммуникаций. Процесс принятия в повседневное использование того или иного нарратива означает замораживание обсуждения о его форме и содержании. Нарратив становится классикой, каноном. Из него со временем начинают извлекать перформативы: инструкции, указания, заповеди, законы, мораль и т.д. Нарратогенез можно представить в виде алгоритма «событие — анализ — синтез — нарратив / создание нового / коррекция старого описания» (Герасимов, 2017). В алгоритме создания перформатива процесс нарратогенеза редуцируется до алгоритма: «событие» — соотнесение с «готовым сюжетом-советом» по типу: «Идет дождь — возьми зонт». Игнорируется рассуждение, есть пример и императив. Вот ход, например, стандартного генерирующего алгоритма в упрощенном виде: «Идет дождь — можно намочнуть — нужна защита — Вася взял зонт» → прямое указание для Васи: «Идет дождь — возьми зонт». В любом сообществе происходит эргономический процесс сокращения рассуждения, отжим текста до стереотипической реакции. В этом процессе выпадения в осадок наблюдается негативный процесс, который сводит обучение человека к системе реакций на внешние события. «Пробежала кошка — плюнь через плечо». Таким образом, многие нарративы трансформируются в перформатив. Скорость трансформации отстает и от скорости изменений в окружающей среде, и от изменения ее макрофакторов. В результате отставания перформативы застывают и преобразуются в корпус правил, требующий серьезных усилий для изменения. С другой стороны, эргономика перформатива экономит время, экономит ресурсы человека. Как бы мы затормозились, если бы размышляли каждый раз, как переставлять ноги при ходьбе или пользоваться ложкой во время

еды. Эффективность перформатива в дидактической или технологической литературе сложно переоценить. В этом процессе рождается сообщество, или группа «ленивых» / консерваторов, которая «канонизирует» нарратив и стремится перевести его в перформатив «событие — нарратив». Появляются скрепы, «святое», нарратив сакрализуется, шлифуется, как жемчужина в раковине, превращаясь в перформатив.

Система перформативов — «инструкций к жизни» вошла в систему образования. Она строится на алгоритме «знание — умение — навык», при этом больше использует опыты прошлых практик, чем развивает навыки по анализу сущностей и событий в настоящей реальности. Полученные множества А, состоящие из событий, сопоставляются с множеством В — указаниями на реакцию на эти события. В случае, когда появляются новые события, а в множестве В нет соответствующих сюжетов, логично было бы предположить новый виток анализа и синтеза, нового описания, исследования, получения нарратива.

К сожалению, ренарратизация происходит не всегда, чаще методом перебора человек пытается «пристроить» существующие старые объяснения к новым событиям или предметам. В случае, когда это удается, мы имеем использование одного знака для двух событий или двух толкований, как слово «шарик», описывающее и сферу, и маленькую собачку (в примере Г. Фреге). В результате этого возникают полисемичные слова, тексты, возникает двусмысленность, как в классических творениях Гомера, И. А. Крылова и других авторов, двусмысленные нарративы используются для создания эффекта «вау-узнавания».

Перформатив не представляется без нарратива. Перформатив — это результат процессов, проходящих в нарратогенезе, а часто — цель такого процесса. В отличие от нарратива, перформатив интуитивно неудобен человеку в силу содержащейся там манипуляции, воспринимается им как чужеродное, но иногда необходимое лекарство. При этой своей чужеродности он как ограничитель поступков неизбежен. В противоположность ему нарратив может все то, что недоступно перформативу и часто не регистрируется человеком как насилие и манипуляция: сослагательное наклонение, возможность мечтать, сочинять, творить.

Конечное место для смысловой траектории нарратива, перешедшего в перформатив, может заканчиваться на территории табу — запрещенных тем. Возьмем такое событие, как восход солнца над горизонтом. В системе до Галилея солнце восходит над горизонтом, и это событие описывается как «восход» и истинное. Но в системе после Галилея движения Солнца нет. Земля поворачивается, и наблюдатель видит появление Солнца. Согласно алгоритму сформировалось табу, запрет на изменение описания, осуждение автора. Спустя много лет восприятие реальности по-прежнему воспроизводит старую историю реальности «до Галилея»: несмотря на всеобщую информированность, поэты воспевают восходы и закаты Солнца, а не повороты Земли вокруг оси.

Исправлять ошибки и особенности наррации (например, культурной, представленной в ментальном поле, объединяющей людей одной

или нескольких этнических групп) и приходиться к общей метанаррации (религиозной, научной) в идеальном случае можно только путем кросс-культурных обменов — переговоров. В реальности этого не происходит с желаемой скоростью, потому что не все хотят потерять свою идентичность и стать унифицированными персонажами. Поэтому часто создание устойчивой метанаррации — результат катаклизмов и потрясений основных норм и ценностей социума. В истории борьба унификации против уникальности ведется давно и с переменным успехом. Создаются и распадаются империи, меняются культурные стили, но по-прежнему актуальны протесты («всех под одну гребенку», «прокрустово ложе»).

Нарратив — это не только реакция на события, но и «ловушка событий». Он готовит слушателя к любым событиям и дает перформативы — инструкции, как поступить в том или ином пространстве, в том или ином случае. Этим объясняется успех таких видов нарративной культуры, как кино и литература. Они оба представляют собой тренировочный полигон для обкатки возможных вариантов социального поведения для зрителей / читателей. Можно также утверждать, что получатель информации требует от автора сложных, драматичных ситуаций, в которых герою необходимо принимать не менее сложные решения. Покупатель (потребитель) часто ждет от автора определенного объема историй и советов.

В одном случае читатель совмещает свое описание реальности с пространством нарратива, отсутствующего у него в доступной реальности: другие страны, другие социальные слои, другие культуры и т. д. В иных случаях читатель ставит себя на место героя и переживает процессы принятия собственных решений в предполагаемых обстоятельствах созданных реальностей. Вместе с героем он проходит процессы принятия решений, ощущает радость от совпадения и горечь от различия принятых решений. Описание событий, героев, их реакции и решения — это постоянный тренажер для человека. Погружая себя в различные предлагаемые обстоятельства, человек тренирует свои реакции, возможные поступки. В результате такой игры он становится готов к любым событиям, знает, что делать в каждой ситуации.

Поводом для наррации становятся события. Многие из событий заставляют человека и общество реагировать, выступают в качестве побуждающего к действию или бездействию фактора. При описании события автор отражает и описание, и побуждение, и авторское отношение. Все они получают эмоциональную окраску в силу важности для человека и социума. Чем больше событие повлияет на будущее, чем значительнее будет его возникновение в пространстве публичных коммуникаций, тем больший эффект он произведет, тем дольше останется в коллективной памяти. При этом оценка события — это функция, связанная с когнитивными способностями человека и общества. Одно и то же событие может вызывать у разных людей противоположные эмоции и оценки. События, генерируемые различными источниками: судьбой, Богом, человеком, попадают в пространство публичных коммуникаций

и там их «принимает» массив или система нарративов, в которой есть все реакции на все произошедшие в прошлом события. В этом пространстве осуществляется оценка события общественным мнением, оценка события представителями властей, при этом может возникнуть дистанцирование населения от власти (Петухов, 2012).

Как было рассмотрено ранее, нарративы формируют восприятие реальности у человека. Они также способны трансформировать и сами реальности. Пространство, создаваемое нарративами, представляет собой набор алгоритмов, правил, законов, которые связывают предметы и события между собой в единую непротиворечивую реальность в сознании индивидуумов, групп людей и всей цивилизации. Благодаря глобализации человеческое сообщество представляет собой интегральную систему, объединенную связями между всеми. Эта сеть публичных коммуникаций позволяет взаимодействовать всем участникам человеческой цивилизации как единого организма. Любое событие, имеющее новостной потенциал, ретранслируется в современном информационном обществе фактически мгновенно.

Система связанных нарративов разных культур выступает в нескольких ролях: как источник новостей, как описание реакции, как хранилище полезных и вредных опытов человечества. Другими словами, информационное нарративное пространство представляет собой источник новостей, получателя новостей, коллективную память.

Нарративное пространство — результат непрерывного процесса рефлексии социума над событиями различного происхождения. Информация формирует общественное мнение, правила, вкусы, делит воспринимаемый мир на «важное» и «второстепенное». Сформированное общественное мнение, отфильтрованное и зафиксированное в нарративах, в свою очередь определяет новостной потенциал события, «голосуя» своим вниманием к проблеме или игнорированием ее. Таким образом, события определяют нарратив, который определяет события, замыкая круг. В XXI веке события не происходят спонтанно, их вбрасывают в поле генерации нарративов. Более того, нарративы провоцируют события, создают целые событийные кампании. Систему ограничивают рамки безопасности коллективного существования, врожденные рефлексии, которые указывают обществу опасный предел, границу, переход за которую будет иметь необратимые последствия. Именно поэтому в нарративах всегда были и будут элементы общественной цензуры. В этом смысле публичные коммуникации напоминают единый организм с инстинктом самосохранения. В нем содержится отрицательная и положительная историческая память. С одной стороны, память о войнах, геноциде, катастрофах, фатальных ошибках человечества предохраняет от повторения таких событий или сводит к минимуму возможный риск. С другой — положительная память об открытиях, изобретениях, достижениях, победах в борьбе против природных и антропогенных катастроф позволяет человечеству развиваться.

В результате проведенного анализа выяснены алгоритмы построения нарративов, связь нарратива с перформативом через интенцио-

нальность, некоторые возможности и свойства нарративов. Теоретически можно утверждать, что все связано с нарративами в той или иной форме, поскольку нарратив – уникальный инструмент генерации и передачи смыслов. В предельном обобщении текстов все есть нарратив или все можно описать через нарратив. Мы описываем реальность и тем придаем смысл сущностям и событиям, воспринимаем и обрабатываем информацию. В этом утверждении отчасти просматривается концепция холизма и детерминизма. Но существует разрыв между нарративом и реальностью, который выражается в разрыве времени, интенциональном восприятии автора. В конечном итоге мы никогда не говорим в нарративе о реальности как таковой, а имеем дело с ее описанием. В восприятии реальности через нарратив он играет роль фильтра с независимым от зрителя или читателя фокусом. У человека появляется выбор – следовать восприятию через наррацию или взять нарратив как эталон, относительно которого формировать свой концепт реальности с заранее заданными свойствами. Это условие представляется особенно интересным в процессах переноса смысла. Меняя фокус и форму нарратива от предельного объема к предельному содержанию понятий, мы можем использовать нарратив как посредник при работе с различными целевыми аудиториями. Проецируя наррацию на другие социальные слои или культуры, переводя нарративы на другие языки, мы можем по проекции представить тот объем недоступных авторам понятий, принадлежащих другим культурам. В этом качестве нарратив выполняет функцию смыслового зонда, провоцируя комплекс реакций на события или персонажей, отличный от множества реакций в культуре автора. Вопрос переноса смыслов реализуется при переносе нарратива из одного жанра в другой, из одного типа медиа в другой.

Выводы

1. Нарративы и перформативы, несмотря на то что интуитивно ощущаются как противоположные понятия, как описание и указание, фактически находятся в связи порождения одного через другое. При анализе трех возможных вариантов взаимодействия установлено, что перформативы находятся в основании любой наррации, и каждому нарративу соответствует не менее одного перформатива.

2. В любой наррации содержится тайное или явное манипулирование, которое необходимо иметь в фокусе внимания при рассмотрении маркетинговых, политических, религиозных текстов. Спектр подобного манипулирования широк – от агитации и пропаганды до рекламных и PR-текстов, УМП (уникальных маркетинговых предложений). В него попадают тексты, содержащие в себе элементы логической, фонетической, идиоматической суггестии, НЛП.

3. Присутствие перформативов в культуре не всегда имеет отрицательное значение. Например, в текстах классической художественной литературы подобные приемы содействуют практикам по воспитанию и обучению детей.

Публикация подготовлена в рамках НИР СПбГУ «Нарративы публичных коммуникаций в современной России» (Id проекта в системе PURE: 37602788).

Список литературы

- Агеева Н. А. Наррация и анарративность в монодраме Я. Пулинович «Наташина мечта» // Научный диалог. 2015. №12 (48). С. 151–160.
- Герасимов С. В. Замыкая круг манипуляций // Философские науки. 2015. №5. С. 34–41
- Герасимов С. В. Событие как управленческая функция генерации социальной реальности // Человек. Культура. Образование. 2017. №1 (23). С. 68–83.
- Гуссерль Э. Логические исследования. М., 2011. Т. 1, ч. 1 : Исследования по феноменологии и теории познания.
- Женетт Ж. Границы повествовательности // Женетт Ж. Фигуры. М., 1998. Т. 1.
- Зинкевич О. В. Локализация как процесс лингвистической трансформации структуры и содержания динамического текста // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. №3 (111) С. 135–137.
- Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1993. №1. С. 3–9.
- Петухов В. В. Гражданское общество и власть: сотрудничество или противостояние? // Вестник Института социологии. 2012. №5. С. 240–246.
- Проскурин С. Г. Лингвокультурный трансфер: представления о мире в древних традициях // Критика и семиотика. 2017. №1. С. 220–232.
- Рассел Б. История западной философии : в 3 кн. СПб., 2001.
- Тульчинский Г. Л. Оценочно-эмоциональные факторы смыслообразования: нормативно-ценностные паттерны нарративов культуры // Человек. Культура. Образование. 2018. №4 (30). С. 165–175.
- Тюпа В. И. Драматургия как тип высказывания // Новый филологический вестник. 2010. №3 (14). С. 7–16.
- Уэст Д. Континентальная философия. Введение. М., 2015.
- Юм Д. Трактат о человеческой природе // Соч. : в 2 т. М., 1996. Т. 1.
- Blank A. Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical Semantic change // Blank A., Koch P. Historical Semantics and Cognition. Berlin ; N. Y., 1999. P. 61–90.
- Gergen K. J. Realities and relationships: soundings in social construction. Cambridge, MA, 1997.

Об авторе

Сергей Викторович Герасимов, доцент кафедры связей с общественностью и коммуникационных технологий СПбГЭУ, научный сотрудник СПбГУ, Россия.

E-mail: votje82@mail.ru

Для цитирования:

Герасимов С. В. Формирование нарратива из перформатива в публичных коммуникациях // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №1. С. 34–49. doi: 10.5922/2225-5346-2020-1-2.

THE FORMATION OF THE NARRATIVE AND THE PERFORMATIVE
IN PUBLIC COMMUNICATIONS. V. Gerasimov^{1, 2}¹ St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya emb.,
St Petersburg, 199034, Russian FederationNational Research University Higher School of Economics, 16, Soyuzna Pechatnikov str.,
St Petersburg, 190008, Russian Federation² St. Petersburg State Economic University, St. Petersburg 21, Sadovaya St,
St Petersburg, 191023, Russian Federation

Submitted on July 6, 2019

doi: 10.5922/2225-5346-2020-1-2

Since the British philosopher John Austin, narratives and performatives have been considered as opposite concepts covered by the generic concept of speech act. At the same time, these concepts were separated according to whether a narrative, inducement, a description, or an imperative was present in the text. Similar to the narrative, the performative is created under pressure from various external factors associated with the system of public communications, to which the author is exposed, and a multitude of reasons that reflect in his or her mind external processes. All these factors and influences transmute in the course of text creation; the viewer/reader consumes ready-made information, which invariably bears an imprint of the author's habitus. When creating a text, the author conveys his or her desires and expresses his or her attitude to the chosen problem. This study aims to answer two questions. Can a narrative have at its core an explicit manipulative basis or a hidden motive? Can the picture of the world, which develops, inter alia, under the influence of narratives, serve as a pattern for decision-making by the viewer/reader? It is necessary to this end to identify the relationship between the performative and the narrative (there are several types of these relationships). To answer the above question, the genesis of narratives is considered, possible narrative-performative combinations analysed, and the effects of performatives on the formation of the intentional component of the narrative established. The findings suggest that each narrative contains at least one performative and that the narrative is based on the performative and contains a manipulative component.

Keywords: narrative, performative, text, public communications, manipulation, intentionality, social reality.

References

Ageeva, N. A., 2015. Narration and anarrativity in the monodrama J. Pulinovich "Natasha dream". *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 12 (48), pp. 151–160 (in Russ.).

Gerasimov, S. V., 2015. Closing the circle of manipulations. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 5, pp. 34–41 (in Russ.).

Gerasimov, S. V., 2017. Event as a managerial function of generating social reality. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Man. The culture. Education], 1 (23), pp. 68–83 (in Russ.).

Husserl, E., 2011. *Logicheskie issledovaniya. Ch.1: Issledovaniya po fenomenologii i teorii poznaniya* [Logical research. Part 1: Studies in phenomenology and theory of knowledge]. Vol. 1. Translated from German by V. I. Molchanova. Moscow: Akademicheskij proekt (in Russ.).

Genette, G., 1998. Boundaries of narrative. In: Z. Zhenett, ed. *Figury* [Figures]. Vol. 1. Moscow (in Russ.).

Zinkevich, O. V., 2018. Localization as a process of linguistic transformation of the structure and content of a dynamic text. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta* [Proceedings of St. Petersburg State University of Economics], 3 (111), pp. 135–137 (in Russ.).

Likhachev, D. S., 1993. The conceptosphere of the Russian language. *Izvestiya RAN. Seriya lite-ratury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 1, pp. 3–9 (in Russ.).

Petukhov, V. V., 2012. Civil society and government: cooperation or confrontation. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 5, pp. 240–246 (in Russ.).

Proskurin, S. G., 2017. Linguocultural transfer: ideas about the world in ancient traditions. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics], 1, pp. 220–232 (in Russ.).

Russel, B., 2001. *Istoriya zapadnoi filosofii: v 3 kn.* [History of Western Philosophy: in 3 books]. Translated from English by V. V. Celishcheva. St. Petersburg (in Russ.).

Tul'chinskii, G. L., 2018. Evaluative-emotional factors of sense-formation: normative value patterns of cultural narratives. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Man. The culture. Education], 4(30), pp. 165–175 (in Russ.).

Tyupa, V. I., 2010. Dramaturgy as a type of utterance. *Novyi filologicheskii vestnik* [New Philological Bulletin], 3 (14), pp. 7–16 (in Russ.).

West, D., 2015. *Kontinental'naya filosofiya. Vvedenie* [Continental Philosophy. Introduction]. Translated from English by D. Yu. Kralechkin. Moscow: Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS (in Russ.).

Hume, D., 1996. A treatise on human nature. In: D. Hume, ed. *Sochineniya v 2 t.* [Compositions in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Mysl'. pp. 203–204 (in Russ.).

Blank, A., 1999. "Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical Semantic change". In: A. Blank and P. Koch, eds. *Historical Semantics and Cognition*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter. pp. 61–90.

Gergen, K. J., 1997. *Realities and relationships: soundings in social construction*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

The author

Sergey V. Gerasimov, Associate Professor, Department of Public Relations and Communication Technologies, St Petersburg State University of Economics; Research Fellow, St Petersburg State University, Russia.

E-mail: votje82@mail.ru

To cite this article:

Gerasimov, S.G. 2020, The formation of the narrative and the performative in public communication, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 1, p. 34–49. doi: 10.5922/2225-5346-2020-1-2.